

Лео Карлсон

*Цивилизация
песка*

КНИГА СТИХОВ

Лео Карлсон
Цивилизация песка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18512136

ISBN 9785447477462

Аннотация

Небольшая книга стихов разных лет различной направленности и размера – лирика, философские, шуточные стихи, стихи о природе и рыбалке.

Содержание

Лечу...	6
Безморозное...	6
Другой	7
Кошка	9
Dragonfly	11
Вечер	12
Корова	14
Дух и Тело	15
Африканский пикник	17
Времена	20
Восьмиклассница	21
Антоновские яблоки	22
Возвращение	24
Весеннее пробуждение	26
Уговорил	26
Экспромт	27
Безнадежность	28
Весеннее-ботаническое	29
Про зверяток	30
Апрельский марш	31
Золотая рыбка	32
Вечный закон	33
Грядущее тело	36

Книга оправданий	38
Эмили	38
Одной ведьме	40
Первый снег	41
Забавно это...	42
Скерцо	43
Борхес	44
Превращение	46
Принц Альцгеймер	47
Снежная королева	48
Бардо	50
Северный балкон	52
Слова	53
Оправдания	54
Вечное Лето	55
Harassment	55
Женщина – Море	57
Командор	59
После грозы	60
Вечный закон	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Цивилизация песка
книга стихов
Лео Карлсон

© Лео Карлсон, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лечу...

Безморозное...

Вливайтесь в тесный наш кружок,
Мы побредем на бережок.
Вот этот, с этой, наш дружок,
А эта, с этим – не...
Давай, разломим пирожок,
Давай, разделим творожок,
Потом волшебный порошок
Достанем при луне.

Что было, вместе мы съедим,
Вдохнем в себя волшебный дым,
И рыбка с глазом голубым
Заплещется в пруду.
Мы к ярким звездам улетим
– Крылатый камерный dream team.
У нас с улетностью интим.
А вы о чем подумаете...?

Другой

Врываюсь в дверь в который раз
И не могу остановиться.
А синь высасывает глаз
и обесцвечивает лица.

И в листопаде бывших лиц,
Сквозь ровный шелест листопада,
Я различаю чье-то «надо»
И начинаю новый блиц.

Летят жемчужные шары,
Скользят причудливые тени.
Один невинной предан лени,
Другой в сетях своей игры.

Один мешает дом с трубой,
Другой наводит тень на темя...
Но разве кто-нибудь другой
Споет и спляшет наше время?

И в пустоту скользящих дней
Ползут медлительные корчи.
И каждый тронут знаком порчи,
и торжествует брадобрей...

Когда ж окончится игра,
Я раздарю свои игрушки
Всем тем, кто скачет на опушке
И красит желтым флюгера.

Кошка

На чердаках, в запыленных окошках
Тает закат. По вечерней Земле
Кто-то проходит крадущейся кошкой...
Бродит вокруг в наступающей мгле.

Прячется ласточек звонкая стая
В сонный уют вечереющих крыш.
Ты не услышишь, и я не узнаю,
Кто там тревожит вечернюю тишь.

Вот на прощанье закатное солнце
Бросит последний пронзительный луч.
Вспыхнет в ответ слуховое оконце...
Первые звезды мигнут между туч.

Вдруг, в янтаре застывающей мошкой,
Шифером крыш, ничего не тая,
Жизнь – грациозной, трехцветной кошкой...
В миг и навеки – твоя ли, моя?...

Выгнулась гордо, не просит участия,
Молча уносит, трехцветная, прочь,
Рыжее-рыжее-рыжее Счастье
В черную-черную-черную Ночь.

Ветер желаний... Ленивую негу...
Гибкие травы в росы жемчугах...
К Белому-Белому-Белому Снегу
Где-то не здесь, на Других Берегах...

Dragonfly

Лечу, по-прежнему лечу
Над теплою землей
И безнадежно хохочу
Над истиной простой.

Она простая – пустячок.
Так, капелька росы.
Вот Старичок-Часовичок
Свои подвел часы.

Года вливаются в века.
Над вечною рекой
Плывут неслышно облака.
Куда плывут? На кой?

И отразивши синеву
Фасеточками глаз,
Рву паутинок тетиву
Крылом в который раз.

Грохочут Времени Там-Там
И осени прибой
Я точно знаю – где-то там
Мы встретимся с тобой.

Вечер

Ветер радиоэфира...
Чай под красную икру.
Летний вечер плыл над миром
Занавеской на ветру...

Светлой тюлью... яркой шторой...
Тонким платьем на тебе...
Легким, призрачным и скоро
Исчезающим во тьме...

Кошка-ночь пришла украдкой.
Села рядом и мурчит.
Тихо, с вкрадчивой загадкой,
Саксофон в ночи звучит.

Ставим старую пластинку..
Нет, давай-ка лучше ту...
Память тонкой паутинкой
Улетела в высоту...

Улетала... замерзала...
Видишь – мы совсем не те...
Стены зимнего вокзала
Утонули в темноте.

Снег – вчерашняя пороша.
Небо – звезды... провода...
Там, где Будущее в Прошлом
Отражается всегда.

Корова

По небу радостно, легко
Летит корова.
Ныряет в тучки молоко.
И с нами снова.

И для меня такой экстаз —
Ее движенья.
Ее огромных добрых глаз
Без выраженья

Полупрозрачный влажный блеск —
Намек на Вечность.
Ушами машет, крыльев без —
Сама беспечность.

Летит с улыбкой на Восток.
Щебечет пташка.
В рогах из ландышей венки.
В зубах – ромашка.

Достанешь тихо коробок...
Забьешь, и снова
Летит корова на Восток.
Летит корова.

Дух и Тело

Ты свободна?... Смело
Ставим «Чай для двух»...
У тебя есть Тело.
У меня есть Дух.

Дымчатая просинь...
Мокрая сосна...
У тебя есть Осень.
У меня – Весна...

Тело часто манит
Полежать ничком,
Нежась на диване —
Дух всегда торчком!

Тело любит манго...
Дух – любимец муз.
У тебя есть Танго,
У меня есть Блюз!

Вижу, тело в белом...
(Тело знает драйв!) —
Ставим Тарантеллу,
Танго, Румбу, Джайв!

Весело, танцуя,
В сторону идем
И с тобой другую
Вряд ли мы найдем,

Где ни разу не был...
Речка... мост... поля...
У тебя есть Небо...
У меня – Земля!..

Как с тобою нам бы
Пересечь пути?
Тело, Праздник Самбы,
Дай в тебя войти!!!

Африканский пикник

Разрывают душу нервы,
Треплет ветер волоса.
Надоели мне консервы,
И обрыдла колбаса!

Жить желаю полной массой!
А не в четверть, и не в треть!
Я хочу наестся мяса...
Я мечтаю озвереть!

В африканские пампасы,
И конечно с Вами, Мисс...
Танганьика или Ньяса!
Остальное – компромисс!

...Разрывают негры тушу.
Жарят, жарят на костре.
И в горшочке тушат, тушат
Соус я ядом Кураре.

Пахнет жареным барашком.
Негры пляшут «оп-ца-ца...»
Я хочу вцепиться в ляшку...
Очень хочется мяса...

Где же негры – где-то, где-то...
Разбежались вдоль реки.
У шамана три кастета
Потому что три руки.

Мы с тобой одни на свете...
Нам, быть может, по пути?
Я – Шаман. Лечу как ветер
Чтоб в твою Мечту войти.

Танганьика или Ньяса...
Мне с тобою – как в Раю.
Я когда наемся мяса
Сам себя не узнаю.

Видишь – на моих ладонях
Нарисованы зрачки...
Дым летит и в небе тонет...
Скинь, родная, башмачки.

Я запутался в штанине.
Убегаешь?! Ну беги...
У шамана три штанины,
Потому что три ноги.

Я тебя догнал у Ньясы.
Что, попалась?! Вся дрожишь...
Видишь, я наелся мяса —
Никуда не убежишь!!!

Времена

Зарей античности согретый,
(фалерно чаша, козий сыр)
С сосны фаюмского портрета
Смотрю на ваш на новый мир.

Ау, Катулл!.. Вот и Гораций
Гуляет в дантовом аду
А в объективы папарацци
Уже и я не попаду.

Куда времен несутся кони,
Нам боги то не говорят,
И только виллы Берлускони
Огни сигнальные горят.

Восьмиклассница

– Восьмиклассница... ты взрослая совсем!

Сорок семь тебе, родная, сорок семь...

Как ты эти годы прожила?

– Светка Соколова умерла.

А сама я вышла замуж два раза.

Есть работа, дети и коза.

Дом, сарай, машина. Кавардак...

Ну а ты-то, ты-то, сам-то как?

– Да никак. Смотрю на вашу хуергу.

Ничего ж поделать не могу.

Как тогда мы ждали перемен!...

То, что вы не встанете с колен...

Кто сказал бы, вздул бы как вруна.

Что тут скажешь... бедная страна!

Если б не уснул я за рулем,

Двинул бы с гитарой за рублем

А потом хоть в Хайцу!.. за мацой!

Ладно, все. До встречи. Виктор Цой.

Антоновские яблоки

Запах яблочных дней из далекого сада,
Из забытого теплого летнего дня,
От нагретой на солнце дощатой ограды,
За которой на речке купали коня.

Облаков проплывали армады над нами
Отражая холмы, зеленела река.
И антоновских яблок зеленое пламя,
Чьих тяжелых плодов наливные бока

Из усталой листвы так призывно манили,
Обещая свой сочный неистовый хруст.
И резной, озаренный закатным светилом,
Черноплодный пахучий смородины куст

Предлагал – угостись. А не хочешь, не кушай.
В августовских лучах вечеряющий конь,
Из вод выходя, отряхнулся под грушей.
И антоновских яблок зеленый огонь

Мне светил семафорно, железнодорожно,
Обещая ночной, на четыре часа,
Полуночный вагон в край чудес невозможных.
И билет в те края, где живут чудеса.

Где живут, говоришь?.. Да никто и не спросит...
А над миром плывут, растворяясь как дым,
То зеленое лето, то яркая осень,
Что доступны по прежнему только живым.

Возвращение

На излете далекого лета
В летней кухне, в чесночном чаду,
Жарит бабушка с луком котлеты,
И оладьи набухли в меду.

Пахнет салом копченым и хлебом,
Борщ, картошка, простая еда.
Я уехал... Я больше там не был.
И не буду уже никогда.

...Мы уедем из этих предместий.
Есть на свете другие места.
Может, лет через сто, через двести
Кто-то просто, как в речку с моста,

Словно в омут, в любое из прошлых,
В чью-то келью и в шум площадей...
Столько было, плохих и хороших,
Но живых и реальных людей!

Каждый день воскрешения чудо —
Яркий танец из мест и имен!
Это будет конец Голливуда,
И начало для Светлых Времен...

...Спрятав ключик от Тайны Творенья...
Я вошел в незнакомый простор,
Где малиновый тазик варенья,
Заполняющий запахом двор...

Весеннее пробуждение

Уговорил

Три дня, три дня, от ночи до зари,
не слыша птиц, не видя небосвода,
Я был настойчив, и уговорил
холодную красавицу Природу.

Ах! где я только с нею не бродил
Среди полей и по лесным опушкам,
Каких я с ней речей не заводил,
Читал стихи или шептал на ушко,

Она была надменна и строга.
И вдруг, внезапно – милая, простая...
Снега, они, для строгости, снега...
Но день назначен! И они растают!..

Экспромт

Безморозно и бесснежно...
Так, как будто некий Бог,
Вдруг застенчиво и нежно
Сам добавил запись в блог.

То Весна, зеленокрыла,
Вся в сиреновом манто
Встрепенулась и поплыла
Над спешащими авто,

Пешеходами, домами...
Окна, крыши, вечер, ночь...
Вместе с синими ветрами
Прямо в Будущее, прочь...

Безнадежность

Вот и снег уже не нужен
– Постоянства безнадежность...
Где-то здесь в весенних лужах
Затерялась льдинка-нежность.

Белоснежность исчезает
В Бесконечном, Абсолюте.
Мысль надежная. Простая.
Да и верная по сути.

Ни о чем жалеть не стоит.
Скоро, скоро, вместе с нами
Этот мир опять накроет
Изумрудными волнами.

И из всех страстей (иль стрАстей)
Только эта не утонет —
Стать твоей сосулькой счастья.
И сгореть в твоих ладонях.

Весеннее-ботаническое

Бывает, не лямурно, не тужурно,
Проходит день как странный вязкий сон.
Но до чего же нежно и ажурно
Даваллия сползает на вазон!

Апрель... Как выразительно и грубо
Аралия бутонами торчит!
Но наш гобой иные знает губы,
И музыка весенняя звучит.

Среди скворцов безумолчного хора
И воробьев безумной чехарды
В который раз божественная Флора
Ждет пахаря весенней борозды.

Про зверяток

Вчера на выставке котят
Мы встретились случайно.
И те хотят и те хотят
Любви черезвычайно.

Я так люблю любить зверей,
Пушистых и не очень.
И здесь, у вашенских дверей,
Хочу сказать короче.

Давайте выпьем коньячка
И скушаем икорку.
Потом запустим хомячка
В тугую вашу норку.

Апрельский марш

Апрельский марш холодных чистых волн.
Дырявят небо запятые чаек.
И море звонким плеском отвечает
О лодку. Глухо, хрипло вторит мол.

О чем сегодня ты, морской оркестр?
Но сдуло ветром ноты у флейтиста.
И тишина. И в блесках серебристых
Сплошное синее, куда ни глянь окрест.

Ты сам себе матрос. Ты сам и капитан.
Зюйд-Вест ершист. Бодрит, немножко ежит.
И ничего на свете не тревожит.
Весь груз забот мирских растаял как туман,

Как в синей выси белый тает след...
Тут леса вздрогнула! И туго натянулась.
Ты потянул. И кто-то там в ответ.
Как старый друг. И сердце улыбнулось.

Волна. Колтрейн, пронзительный и строгий.
Здесь все мое вокруг. И горы вдалеке...
Хороший день. Один из стольких многих.
Апрельский джаз. И камбала в руке.

Золотая рыбка

Там, где волны соленые лизут
Лед весенний, на лесу в натяг
Я ловил фиолетово-рыжих,
Переливчатых дивных наваг.

И поклевку, упругую, в руку,
И на льду неумную прыть,
И конечно, томленную с луком.
Мне уже никогда не забыть.

Как блестели на солнце мормышки!
В сизой дымке оранжевый шар
Был велик, но не ярок. Не слишком.
И знакомый по леске удар

Бил куда-то несильно, но твердо,
В место то, что в тебе и нигде.
И знакомая рыжая морда
Возникала в холодной воде.

Пела леса как старая скрипка
Свой мотивчик, короткий, простой,
Что вот эта красавица рыбка
Может быть, и была Золотой.

Вечный закон

Синее море в барашках, и льдины что скоро растают,
Ветер весенний, что ветви качает как летом,
Пыль приносящий с пустынных предгорий Китая,
Солнечный диск, что от пыли слегка фиолетов,

В сумрачный день акварельная серая морось,
Та, что капелью кустов украшает рапиры,
Снова напомнят, как света конечная скорость
– Миф о конечности этого вечного мира.

Я бесконечно не верю в такую конечность,
Мне говорят динозавры, додо и морошка:
Нашей Галактики яркая блестящая млечность
– В платье Вселенной не самая яркая брошка.

Даже не стразик, а так – чепушинка, пылинка,
Крохотный атом, каких мириады на свете.
Если растает как самая малая льдинка,
Мир ничего теряет и даже едва ли заметит.

Мы, обитатели мокрого плоского мира,
Те, что влекомы волнами к последнему морю,
Были как рыбы – акулы, сомы, конносиры,
Выросли – стали мечтать о великом просторе.

Мир наш велик и пока еще так не изучен!
Тайны как скалы, чьи склоны пока неприступны.
Мы, что слепые живем в лабиринтах излучин.
Рекам, увы, никакие прямые пути недоступны.

Знаем Закон, что не нужен ослам и мокрицам,
Вечный Закон бесконечной цепи измененья.
Были как рыбы, а станем... хотя бы как птицы!
Вольные птицы для неба, полета и пенья.

Солнце сгорит как свеча. Улетая на Север,
Знаем – Закон никогда не блуждает по кругу,
В новой Вселенной – иные морошка и клевер.
Вечно стремясь к неизвестному теплому Югу,

Разум однажды, со смертью играючи в прятки,
Враз, как обноски, отмершее, косное, бросит,
Так и пойдет по Пути, от загадки к загадки,
Из Бесконечной Весны в Бесконечную Осень.

Как мы не помним ни жабр, ни хвостов, псевдоподий,
Так же забудем однажды и ноги и руки.
Главное, чтобы поменьше повторов и глупых «подобий»,
Главное – это в Пути не свихнуться от скуки!

Главное – страсть и напор, красота, напряженье,
Где-то забота, а где-то – шальная беспечность,
Танго и твист бесконечного мира движенья,
В каждой крупнице которого прячется Вечность.

Грядущее тело

«Тело электрическое я пою...»

У. Уитмен

Опять ты дренируешь в почву,
Нелепый смешной организм...
Ты знаешь, здесь как-то не очень...
Зачем ты залез на карниз?

Весенние голы дубравы.
Туманны родные края.
Пожухлые мертвые травы
К земле прибывает струя.

Набухшие вешние почки.
Скворцы в ожидании скворчат.
А снизу ростки и росточки
О дальнем грядущем кричат.

Падут купола и короны
(Труба возвестит и гобой)
Когда целиком электронный
Я буду искриться собой.

Я буду веселый и вечный.
Хочу – навещу мезозой.

Как археоптерикс, беспечно,
Там стану резвиться с грозой.

Потом, целиком бестелесный,
Возьму и прибуду туда,
Где свод выгорает небесный,
Кончается наша звезда.

Где ложе пустых океанов
Заполнил багровый закат.
Но мне ни печально, ни странно
– Ведь новые звезды манят.

И хоть говорят, что не дело
– страницы бывшего листать.
Тебя, мое бывшее тело,
Я буду порой вспоминать.

Книга оправданий

Эмили

Она так любила свой стол у окна.
Подсвечник. Листов перевязанных стопка.
Чернильница. Перья. И еле видна
В темнеющий сад уходящая тропка.

Неслышно по саду бродила. Жила,
Порой удивляя чужих и знакомых.
Вся в белом по саду ночному плыла
Под пенье цикад и других насекомых.

Все ближе и ближе Сияющий Мост...
Не тронув в траве мотылька-шерстокрыла,
Привстать, не дыша... Дотянуться до звезд...
(Шагнуть в пустоту не давали перила).

Я знаю – они никуда не ушли
Вкус яблока Амхерста. Ночная прохлада.
Волшебные запахи сонной земли
И женщина в белом из темного сада.

Где вновь каблучки простучат по мосту,

И свежие рифмы морозом по коже,
Там нежно рассвет поцелует мечту.
Так просто. В ответ. На глазах у прохожих.

Одной ведьме

В Таганроге дворы замело.
Время черных ветвей и печали.
Я купил бы тебе помело —
Мы бы вместе с тобой полетали...

Я б тебя ревновал к помелу —
Слишком близко к священному месту...
И хотел бы попасть в твою мглу,
Что пока для меня неизвестна.

Если Ведьмой родилась, живи
Той, какая ты есть, Дьяволицей.
Серым дымом над миром плыви,
Белым облачком, звездочкой, птицей...

Первый снег

В черном небе снежный порох.
Я сижу, один, в тепле...
За окошком просто город,
Просто место на Земле.

Просто город, так, из многих,
Не малыш, ни великан,
Где кончаются дороги
И вздыхает океан.

В ночь уходят пароходы,
В темень снежную трубя.
Просто Владик, просто город,
Подаривший мне Тебя.

Ты нужна мне очень-очень,
Дорогой мой человек
В этой вечер... этой ночью...
В этот самый первый снег...

Свежий, нежный и несмелый,
(Временами как и мы)
Первый снег как белый-белый
Черновик самой Зимы.

Забавно это...

Происходило это днем... и много лет назад.
Здесь был когда-то водоем. И был старинный сад.
В ветвях чирикал соловей мотив иных времен.
Внизу, под сенью тех ветвей, одни, она и он.
Шуршаньем вторила трава движеньям пары тел.
Под их горячие слова негромко ветер пел.
Журчало время как вода по бедрам, по спине...
И растворило навсегда в Великой Тишине...
Забавно это.... – ты и я, в другую жизнь войдя.
Все так же слышим соловья, друг друга не найдя.

Скерцо

Грустно. В мире исчезают Боги.
Атеизм – как плата за прогресс.
Но божественно прекрасны ноги
Молодых приморских поэтесс.

Грустно. Этот мир хоронит Сказку.
Тают в легкой дымке острова.
Заменяют яд, кинжал и маску
Ваши беззаботные слова.

Хорошо среди лесных дорожек
Быть счастливым Вашим визави.
И исправить Ваших милых ножек
Вечно перевернутое V.

И ловить испуганное Скерцо
Ваших ручек.. губок.. глаз.. груди.
Вот и все. Коллапс. Биенья сердца.
Тишина. И лето впереди.

Снова с юга возвращаться птицам.
Танцевать на поле журавлю.
Вы – красивая. И я боюсь влюбиться.
Будет плохо, если полюблю.

Борхес

Музыка. Столик. Жарко.
Пары танцуют стильно.
«Евангелие от Марка»,
Дождик еще не сильный.

В мокрой листве фонарик
Вздрагнет, мигнет, качнется.
Девушка в красной шали
Больше не обернется.

Музыка. В старом парке
Где-то играют дети...
Правит не Маркс, но Маркес
В мире, где дует ветер.

В мире, где снова мокрым
Грязь городскую смоем.
Воспоминанья блекнут...
И значит, жалеть не стоит.

Скоро зима, и белым
Запорошит ресницы,
Плечи, и первым делом
Перевернет страницу.

Новую, там, где не был,
Скроет любое горе.
Счастье, оно как небо.
Память, она как море.

Галька, одна из галек,
Прочих круглее и глаже —
Каменный мокрый Алеф —
Может, тебя покажет?..

Где там Харона барка?..
Будут нам вечно сниться
Триумфальная арка...
Небо Аустерлица...

Превращение

Тебя больше нет. И не будет уже никогда
В обличьи привычном – здесь нет разногласий по сути.
А озеро с нами. Кувшинки, лягушки, вода,
и пара стрекозок на тонкой травинки батуте.

Здесь яркое солнце. От рыбки круги на воде.
Но нету кругов от кусочка селедки на хлебе.
На вечный вопрос после выпитой рюмки «Ты где?»
Мне батюшка врет, не моргнув: «Ну, конечно, на небе»

Размоет дождями, растащит, ветра разнесут,
Красивое тело твое, а куда – неизвестно.
Сидит и смеётся, не видя на крупном носу
Красавицы прошлого атом с интимного места.

Вас это утешит, профессор? А это – Елена была...
Как греки троянцев когда-то рубили в капусту!
И те и другие – капуста... Такие дела.
Но есть и другое, о чем умолчал Заратустра.

Здесь в каждом доме на ковре – золотое руно.
Посмотришь... Не Пушкин ли это выходит из леса?
Он пьян грозowego заката вишневым вином.
Глядит на лягушку, и видит – лягушка-принцесса.

Принц Альцгеймер

А мы опять немножко незнакомы...
Вы не узнали, кто у Ваших ног?
Я Вас люблю, до судорог, до комы,
Как дай Вам доктор! Или все же, Бог...

В тиши своих сосудистых деменций,
Всегда одна, мечтаешь обо мне
В просвете внутривенных интервенций
Вчерашний день и розы на окне.

А я, поэт от клави, Гейнрих Геймер,
Пошлю тебе романсы и сонет.
Немножко Сван, немножко принц Альцгеймер,
Немножко память улетевших лет.

Снежная королева

Я оставил в Тебе нечто с скромною подписью «new»
В уголочке души, где-то снизу, у самого донца.
Я растаял в Тебе и оставил в Тебе полынью,
Ожиданье тепла, возвращенья полярного солнца.

Уходя – уходи. Без оглядки. Под пение вьюг.
Прочь отсюда. Один. Под полярных буранов напевы.
Ни о чем не жалея. Все дальше и дальше. На Юг.
От Мечты. От Любви. От Полярной своей Королевы.

Если я был не прав, Королева, попробуй простить.
Я покинул Твой край. Я же Кай. И поэтому каюсь.
Ты сказала, что это так просто – «как бросить курить».
А еще: «улыбнись». Хорошо. Веришь – я улыбаюсь.

Я ушел по ночи, не дождавшись полярного дня.
И следов не оставил на терке полярного фирна.
Ледники и торосы на Юг провожали меня —
Ледяные колоссы, по стойке стоящие смирно.

Климатологи лгут – потепление нам не грозит.
Мир наполнен снегами и льдом, заморожен, завьюжен.
Под полярным сияньем Твоим холод в сердце сквозит.
Никого не отпустит полярная зимняя стужа.

Оцифрованный мир. Необъятный незримый Гугол.
Бесконечность. Судьба. И Закон за пределами правил.
У Тебя есть Снега. У меня же всего лишь Глагол —
Тихий солнечный лучик, что где-то в Тебе я оставил.

...Есть живое тепло. И в крови электрический ток.
И надежда на Счастье. С пространством и временем
споря,
Над весенней Землею упрямый летит ветерок
Чтобы слиться с губами соленого теплого моря.

Бардо

Нас зарезали быстро... И дольше точили ножи.
По углам мельтешили голодные злые черти.
Мы покинули мир непонятный как Жизнь не по лжи.
И вдвоем оказались в объятьях сияющей Смерти.

Мы с Тобой проскочили Высокий Безжалостный Свет.
Яркий, слезы из глаз, ослепительный будда Майтрейя
Нас встречал на престоле Вселенной, где Времени нет.
Нет страданий. Наград. Нет Судьбы. Где никто
не стареет.

Ослепительный Свет, Абсолютная Суть Бытия
Бесконечность Пространства. Безличная Белая Бездна.
Так радушно позвали войти и Тебя и меня.
Раствориться. Легко – словно в черном провале
подъезда.

Я подумал чем было – А как это... жить без Лица?
Без Тебя. Без Любви. В бесконечной безличной
Нирване?..
Мы остались в Бардо. И бредем по Бардо без конца
В многоцветном и страшном. Одни. Словно ежик
в тумане.

Если мертвому можно другого из мертвых вести

Миром жутких пространств на глазах наблюдающей
Тени.

Если светит Сансара. И нас никому не спасти.

Что ж, пойдём по дороге привычных смертей
и рождений.

Мягким красным нам светит из мира ревнивых богов

Мягким синим из мира упрямо боящихся Света.

Боги, злобные демоны, страшные тролли из снов,

И голодные духи глядят в ожидании ответа.

...Чей-то Голос басами гремит, надвигаясь как шторм.

Звук царапает душу шипами как куст ежевики.

Нас вернуться зовут шесть высоких буддических форм.

Посылают на Землю высокие древние лики.

Там к друг другу нам двери уже никогда не открыть.

Жизнь другую прожить. И, быть может, достичь
Совершенства.

Развернуться. Проститься. Уйти. И навеки забыть.

Но Тебя я запомню как Вечное Тело Блаженства.

Северный балкон

Мне в этой жизни повезло:
Когда вокруг мели метели,
Смотреть сквозь хрупкое стекло
На сад азалий и камелий.

На этот северный балкон
Входить румяному с мороза.
Полупривет, полупоклон
Араукарии и розам.

Здесь правил бал рододендрон —
Цвета, оттенки... те и эти!
В плену азалий плыл балкон
В своем двойном стеклопакете.

Вдали от солнечных лучей
Цветут, как будто, так и надо.
Похоже, знает суть вещей
Хозяйка северного сада.

И пусть сильней снега метут,
Они веселья не прогонят,
Пока азалии цветут
На этом северном балконе.

Слова

Мне кажется порою, что слова
Пусть даже их не Муза нашептала,
Простые, различимые едва,
Совсем не из земного материала.

Они в безмолвной вечности парят
Как мира невесомая основа,
О давнем прошлом тихо говоря.
Исчезнем мы, они вернутся снова.

Наступит день, из вечной темноты
Магнито пленкой древняя фрэндлента
Мелькнет на миг, и все ее посты.
А там и Вы. И Ваших пять комментов.

Оправдания

Красивая осень... но дело к Зиме.
Стремясь не забыть ни про то ни про это,
Мы пишем, волнуясь, свои резюме
На дальнюю станцию Вечного Лета.

Мы шепчем, сбиваясь, простые слова
В холодное ухо Сияющей Бездны.
Пусть Вера молчит, но Надежда жива.
И шепот из мрака: слова бесполезны...

Как дней отгоревших белеет зола
Нам светятся дальних миров коромысла
Где Некто, бредущий в своих зеркалах,
Пасет отраженья танцующих смыслов.

Мы миром и жизнью довольны вполне,
Но Вечная Истина все таки ранит.
Вот кто-то свое посылал резюме —
А поезд привозит слова Оправданий.

Так поздно. Кому? Да и кто их прочтет?
На бал собралась молодая принцесса.
А ветер Судьбы Оправдания несет —
Кленовые листья осеннего леса.

Вечное Лето

Harassment

Пора звонить в набат, в Минюст
– Harassment зафиксирован.
Шел на работу, встретил бюст,
Что сильно декольтирован.

В его тугую глубину
Я провалился зенками.
И сразу понял – утону,
Зажат ее коленами.

Я глазом влево окосел,
В мозгу все перекручено.
Хотел сказать, но голос сел,
И приподнялась брючина.

А мозг, питающих кровей
Лишенный окончательно,
Одну лишь мысль как муравей
Тащил весьма старательно:

Что вот такой, простите, бюст,

Такие полукружия,
Пушкой признает наш Минюст
Скорее за оружие.

Женщина – Море

Женщина – море, раскинулась, плещется рядом.
Бухта укрытая рыжего берега пледом.
Вечное небо. Безмолвные нерпы – наяды.
Воины – волны, плывущие к новым победам.
Рыбы как ртуть. Это ясные быстрые мысли,
Знания древних, которых она полюбила.
Стайками бродят вокруг, веселы и искристы.
Женщина – море, где тайна соблазна и силы.

Я опущу в твои воды свою быстротечность.
Мне с поцелуем навстречу нагая минога.
Черная круглая тварь и слепая как Вечность.
Снизу – внимательный радужный глаз осьминога.
Мир – самураю и стражу подводного царства,
Он неприметней чем ниндзя, древнее чем арий.
Танцы кефали, прозрачной медузы коварство,
Гребень ежиный в густых волосах ламинарий.

Скоро сырое тепло и туман побережий
Место уступят холодным арктическим массам.
Запах зимы незнакомой. Манящий и свежий.
Песни пурги. И тугое морозное лассо
Кольцами в выцветший воздух взовьется как птица,
Щелкнет упруго по голому нежному телу.
Женщина – море плечами пожмет, затворится

В хрупком молчании льда. И укроется белым.

Командор

Вот и зад оторван от дивана.
Позади – заботы, зимний сплин.
Лето. Солнце. Море. Бухта Анна.
Литораль и гроздь литторин.

Бурый лес волнистых ламинарий,
Черных мидий пятна меж камней,
Мир подводных разноцветных тварей,
Царство бликов и живых теней.

На скале – Костария Коста,
И на ней качаются ежи,
Словно мины судно супостата
Ждут они, колючи и свежи.

Гребешок пугливо пасть раскроет.
И бычок свой свой изумленный рот.
Камбала – да что такое?!
Что это такое тут плывет?!

...А потом как ежик из тумана
Вынырнет зима, заснежит двор.
Бухту Анну, море, бухту Анну
Часто вспомнит зимний Командор.

После грозы

Под утро все, что так сверкало в шторах,
Катало камни по покатым крышам,
Метало листья мокрые в прохожих,
Ушло с нагими тучами на юг.

И черный кофе утренний просторов —
Залива чаша белопенно дышит...
В соленых светлых капельках по коже
Стекает небо с покрасневших рук...

Вечный закон

Синее море в барашках, и льдины что скоро растают,
Ветер весенний, что ветви качает как летом,
Пыль приносящий с пустынных предгорий Китая,
Солнечный диск, что от пыли слегка фиолетов,

В сумрачный день акварельная серая морось,
Та, что капелью кустов украшает рапиры,
Снова напомнят, как света конечная скорость,
Миф о конечности этого вечного мира.

Я бесконечно не верю в такую конечность,
Мне говорят динозавры, додо и морошка:
Нашей Галактики яркая блестящая млечность
– В платье Вселенной не самая яркая брошка.

Даже не стразик, а так – чепушинка, пылинка,
Крохотный атом, каких мириады на свете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.